

ПОСЛЕДСТВИЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ НОМИНАЦИИ (КРЕАТИВНОЕ ОБЩЕСТВО)

Д.В. Ермолович

*ЧУО «Институт современных знаний
имени А.М. Широкова»*

В статье рассматриваются механизм самоидентификации как средство достижения целей самоопределения, как необходимая фаза личностного и профессионального роста, самоактуализации. Говорится о роли ошибки выхода из «зоны ближайшего развития» как в процессе индивидуального развития, профессионализации, так и общественного культурогенеза.

Ключевые слова: антропный принцип двойственности, рефлексия, неопределенность, номинация, самоидентификация, самоопределение, самоактуализация, креативное общество

CONSEQUENCES OF SELF-IDENTIFICATION NOMINATION (CREATIVE SOCIETY)

D.V. Ermolovich

Shirokov's Institute of Contemporary Knowledge

The article examines the mechanism of self-identification as a means of achieving the goals of self-determination, as a necessary phase of personal and professional growth, self-actualization. The role of the error in leaving the «zone of proximal development» is discussed in the process of both individual development, professionalization and social cultural genesis.

Keywords: the anthropic principle of duality, reflection, uncertainty, nomination, self-identification, self-determination, self-actualization, creative society

НОМИНАТИВНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК ПРИНЦИПА

Антропный принцип двойственности человеческой и всякой природы лежит в основании рефлексивного мышления, когда первым

условием, актом возможности рефлексирования становится необходимость установливания категориальных границ, предельных рамок мышления, и только потом, во втором акте, отраженная от установленных аксиоматически категорий мысль определяет себя (рефлексирует) в частных категориях и общих понятиях – разворачивается, в третьем акте, до категориальной сетки, уже связанных между собой по законам правильного мышления (формальной логики) определенных понятий – терминов.

В последующих актах познания обнаруживается естественная природа неопределенности, реалистически как неисчислимость определенности (то, чем человек осознанно не управляет); и искусственная природа неопределенности, номиналистически как исчислимость неопределенности (то, чем человек стремится управлять). Мировоззренческая дилемма реализма и номинализма не разрешена, познание как удвоение мысли (семиотическое расщепление мысли на знак и значение, психологическое – на предмет и образ предмета) подталкивает человека стремиться к универсальности, преодолению проблемы универсалий и двойственности истины, предельности и беспредельности человеческой природы, дуализма (корпускулярно-волнового в неклассической физике, психофизиологического параллелизма в психологии)...

Объективистское (не психологическое) понимание неопределенности (как проявление действительности, ситуация, обстоятельство, данность) – это информационная избыточность (многовариантность), информационная недостаточность, еще ненаступившее хронологически, противоречивость, сложность, новизна, вероятностный характер соотношений связанных явлений микромира (принцип неопределенности В. Гейзенберга) и макромира. Значительно расширяется понятие неопределенности субъективистски (как естественное чувство), не только преимущественно негативно-эмоционально: страх (паника, беспокойство, беспомощность, страдание, разочарование), непредсказуемость, неизвестность, неуверенность, тревожность, повышенная бдительность, странность, негативные ожидания, смятение, сожаление, растерянность; но и в целом позитивно: надежда, трепет, возбуждение, волнение, интерес, любопытство, позитивные ожидания, драйв, радость, открытость миру, энтузиазм, чувство предвкушения, потребность личностного роста, готовность к импровизации, креативности...

Различие в понимании неопределенности закрепляется социокультурно и исторически как на бытовом («Лучше синица в руках, чем журавль в небе»), эмпирическом (слишком озабоченные люди склонны выбирать маленький выигрыш в игре, если он будет получен быстрее, а также ряд психологических эффектов, связанных с разрешением ситуации неопределенности), так и на концептуальном уровне.

Метатеоретический статус выстраиваемых жизненных концепций приписывает реальности некоторые характеристики и через них определяет саму реальность, а в случае если что-то идет не так, то это выглядит для нас как утрата самой реальности. В результате ситуация неопределенности заставляет определять реальность заново (строить очередную концепцию: прогнозировать, выдвигать гипотезы, вглядываться в будущее – номинироваться) и заново самоопределяться.

Место акта номинации в познавательном процессе – центральное: к номинации и от номинации движется познавательный процесс. История познания знает несколько содержательно автономных/дискретных актов цивилизационных номинаций: космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм, культуросцентризм...

Номинация *космоцентризма* фиксирует, устанавливает внешние рамки двойственности: космос (порядок и определенность) – хаос (беспорядок и неопределенность) и определяет эталонные требования существования в этих рамках – героизм (гомеровский Одиссей). *Теоцентризм* ориентирует на двойственность внутреннюю (реализм-номинализм), по спектру: добро-зло, любовь (жизнь-смерть), красота (гармония-хаос), истина-ложь; фиксирует непостижимость двойственности человеком – вера-несвобода (принципиальное отсутствие выбора). *Антропоцентризм* – переадресация выбора человеку и непосильность ноши, собственно, неопределенность и освобождение от нее в *культуросцентризме* – переадресация выбора социуму (Т. Гоббс), разделение ответственности (Дж. Локк) в конструировании образа жизни (общественный договор, промышленная и научная революции, техносфера...). Человек – недобрый-незлой. Выбор, конечно, безнравственен (по С. Кьеркегору), ибо сводится к отказу от свободы (нравственна свобода выбора, а не сам выбор – диалектика). *Культуросцентризм* порождает ряд поисковых альтернатив (техноцентризм, цифроцентризм и т. п.): население из стран третьего мира мигрирует во второй, второго мира – в первый, миграция первого мира – в виртуальность...

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОПЫТА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В КУЛЬТУРЕ

Утопия – то, чего нет.
Антиутопия – то, что есть...

Культура номинирует предельные ожидания, реальность разбивает их о «скалы» действительности, предлагая доступные самоидентификационные эйдосы, идеологически транслируемые мигрирующим массам населения. Потребление усвоенных эйдосов может и не потребовать рефлексивных усилий в случае развитости и доступности масскультурных технологий, тем более, если декларируется непрерывность трансформации, постоянство изменений, легкость смены присвоенного образа/роли – иллюзия снятия всякой ответственности/неопределенности.

Рассмотрим один из достаточно легко прослеживаемых циклов (на западноевропейском материале XVIII-XX вв. и исторически не первом) трансформации самоидентификации:

1. Утопизм-Просвещение (идеализация типа: Homo sapiens, Человек-машина (Ж. Ламетри), в последствии киборг).
2. Реализм (Человек-функциональный с широким произвольным перебором рейтинговых функций).
3. Критический реализм («скептик» в классической модели рефлексии, «экзистенциалист» – в неклассической, но теоретически возможен марксизм и неомарксизм как альтернативы).
4. Натурализм («Человек-природа» (Ж. Руссо), редукционизм З. Фрейда, иррационалистическое неприятие антропоцентризма, «слишком человеческое» Ф. Ницше с выходом к трансгуманизму как альтернативе индивидуализма).
5. Антиутопизм (катастрофизм XX века, Нюрнбергский процесс, Организация Объединенных Наций, Римский клуб, постмодернизм, глобализация и выученная беспомощность, одержимость безысходностью, знания массового уничтожения (Б. Джой), Человек-избегающий (Т. Качински)...).

Жизненный цикл западноевропейской идеи, разворачивающийся в эйдосах, последовательно указывает на рост уверенности в своих силах (эйдосы 1-2), получив заряд бодрости в идеализациях Французского Просвещения, промышленных успехах Британской империи,

романтических настроениях Немецкой мысли, идея достигает высшей точки (эйдос 3) – критики (истинного Просвещения, по Канту). После чего (эйдос 4), с трудом сублимируя как жизненную потенцию, так и жизненный смысл, приходит время ребрендинга идеи западно-европейской цивилизации (эйдос 5) – антропоцентризм накладывается на культурогенез, что можно назвать культуроцентризмом (преимущественно эволюционного, непрерывного толка), происходит освобождение от «проклятия Возрожденческого титанизма» (индивидуализм становится массовым, растворяется в массовом, индивидуальное растворяется в массовидном, как верно и обратное – массовидное растворяется в индивидуальном), т. е. опыт самоидентификации принимается, транслируется, входит в моду, распространяется, и в определенный момент снимается повседневностью, нормируется, стандартизируется, делается обыденным и рутинным.

Причем самоидентификация как акционизм, провокация (социокультурно-историческая – от имперских амбиций Рима до «разумности» Просвещения) в ситуации неопределенности имеет свои последствия: завышенные ожидания становятся обманутыми надеждами, ложатся непосильной ношей, бременем, ответственностью на приходящие поколения (к теории поколений обратимся чуть позже). А провокации индивидуально-психологические в виде рассмотренных здесь самоидентификационных карт (каждой в отдельности или то или иное их сочетание с учетом кумулятивного эффекта культуры) могут быть персонально использованы в целях конструирования индивидуальных программ самоопределения и тогда конкретные люди «застревают» в исторических эпохах, моментах бытия (типологизируются), где ищут свои жизненные смыслы, строят жизненные стратегии, удовлетворяют свои высокие (и не очень) потребности.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ, САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ

Трансформация человеческой сущности произойдет, по мнению Маркса, в процессе труда и с самим трудом, а именно человеческий род в эволюции своей жизнедеятельности не только последовательно *обнаруживает преодоление* разрушающего человеческую личность физического труда, но и в стратегиях результативной социальной практики,

программах профессионально-личностного самоопределения [3] *самодеятельно (творчески) создает* историческую перспективу Человечества. Маркс однозначно выступает против всяких форм *индивидуального труда* (эффективный труд всегда разделенный – исторически только так и мог появиться) [6, с. 63], а вместе с этим и всяких форм индивидуального потребления, фактически являющихся частно-собственническими, за коммунальную самодеятельность (в перспективе).

Онтологически, первопричинно обнаруживается особенная роль труда в формировании человека и становлении человеческой сущности (Ф. Энгельс), праксеологически – необходимость преодоления труда: множественное расщепление труда вплоть до отождествления противоположностей (созидательный и разрушительный, умственный и физический, творческий и рутинный), превращение труда в источник саморазвития, «строительный кирпичик» человека, где через неорганическое тело (природу) формируется органическое (социум), через материальное – духовное, т. е. в процессе трудовой деятельности (всегда социальной) преодолевается среда-природа в целях ее преобразования (превращение средства в цель), собственно создается человек в форме целевой *самоактуализации* (личностного развития), посредством коммунального творчества.

Деятельность опосредована социальной действительностью, т. е. подчинена мотивационным, ценностным, идеальным социокультурно-историческим основаниям. По мере того, как человек универсально-практически всю природу превращает в свое неорганическое тело (К. Маркс), он осознает свою социокультурно-историческую ответственность. Деятельная человеческая *универсальность*, как возможность разрешения всякой неопределенности, проявляется в переживаниях, самоидентификации, рефлексии, отношении к действительности; обнаруживается единство сознания и деятельности, открывается дорога к поиску смысла своего существования.

В этих предельно общих установках человеческой природы: *творчество, самоактуализация, универсальность*, – имеется не менее общий пусковой механизм человеческого развития, когда в социально-психологически локализованной и не чувствительной к случайным внешним воздействиям «зоне ближайшего развития» обнаруживается ряд внутренних, качественных сдвигов («перереформатирование» целей и средств развития), происходят необходимые для новообразований изменения.

Определенность целеполагания и целедостижения объясняется в культурно-исторической теории антропогенеза (Л. С. Выготский), где

антропо-культурная действительность реализуется, при наличии условий и необходимой поддержки, в «ближайших зонах развития» культуры и человека [2, с. 233–234] посредством развитых форм социально-значимой деятельности. Однако есть одно принципиальное условие развития – не выходить за рамки обозначенной зоны, изменение должно происходить с личностными структурами (т. е. как самоизменение) и, в конце концов, должно быть осознано, по модальности Я-трансформации [4]: надо-могу-хочу-должен (необходимость-возможность-произвольность-результативность). В противном случае проблемная природа «человеческого фактора» в настоящем времени и значимость роли человеческой ошибки в современном техногенном обществе сведется к выходу из «зоны ближайшего развития» как в процессе индивидуального развития, так и общественного культурогенеза.

В свою очередь А. Н. Леонтьев описал в психологической теории деятельности [5, с. 439–478] всякого рода ценностно-результатирующие сдвиги («сдвиг цели на действие» после «сдвига мотива на цель»), порождающие не только непрерывность процесса, но и качественные трансформации форм деятельности и форм труда: в процессе достижения цели той или иной деятельности при положительных подкреплениях достижения, сама цель начинает вызывать интерес у субъекта деятельности, и трансформируется в мотив, образуя и расширяя систему мотивов побуждающую субъекта к деятельностной активности, осознанию персональной ответственности.

Смысл же человеческой деятельности будет утверждаться не только в том, чтобы не совершать «дурных» действий (см. у Гегеля), но и в том, чтобы в движении от индивидуализма к индивидуальности (от культурогенеза общества к индивидуальному развитию) созидать обстоятельства, прекращающие саму возможность бесконечного поиска причины причины, ибо таковой (причиной причины) в определенный момент устанавливается сам человек, берущий всю полноту ответственности за содеянное на себя.

АКТУАЛИЗАЦИЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ НОМИНАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ЛИЧНОСТНОГО РОСТА

Следует сказать о последствиях самоидентификационной номинации. Ошибки персональной самоидентификации часто сводятся

к оценке – «сам дурак», чего, собственно, и достаточно. Крепость «заднего ума», т. е. назавтра я всегда знаю, что надо было делать вчера, полностью снимает, перезапускает неопределенность ситуации с нуля, возвращает ситуацию в точку бифуркации, «чистого» листа – не выходит за рамки индивидуальных возможностей адаптации, в подавляющем большинстве случаев сохраняет психологическое равновесие (а если не сохраняет, то состояние психоаналитически сублимируется). Иначе обстоит дело с культурогенетическими номинациями в общественном сознании. Рассмотрим свежие примеры, связанных между собой номинаций инновационности и креативности.

На фоне запоздалых повесток о требованиях к инновационности социальных действий, декларируемых на высоком государственном уровне, концепция «креативных индустрий» («креативного класса», «креативного общества») приобретает популярность [7], хотя критическую оценку региональным и национальным особенностям, условиям труда, неэффективности правовых механизмов защиты интеллектуальной собственности, вопросам экономической устойчивости, размытости и несогласованности дефиниций концепция так и не получила.

Представления о представителях «креативного класса» у Р. Флориды идут вразрез с предыдущим архетипом идеализированного сотрудника: интеллигентным, организованным человеком, не принимающим маргинальный образ жизни, – и в целом базируются на положительных характеристиках поколения-Z (например, созидательное удовольствие, индивидуальное предпринимательство, социально-ролевое разнообразие, взаимоотношения, строящиеся на личных чувствах), что снимает вопрос о поиске его представителей ибо имеет массовый характер (избыточный трудовой ресурс, построенный на нейтральных характеристиках поколения-Z: сетевая и «экранозависимость», фильтрация информации, следование за кураторами, конформизм, прагматичность и практичность) и открывает экономические (эксплуатационные) перспективы. Однако ряд отрицательных характеристик поколения-Z (наглость, нарциссизм и эгоизм, отрицание иерархии, падение концентрации внимания, ослабление долговременной памяти, снижение аналитических способностей...), игнорируемых концепцией могут полностью нивелировать названные перспективы.

Размывая понятия *инновационности* (вне экономической составляющей проблематика инновационности сейчас видится преимущественно через призму постмодернистских проекций инновационной

деятельности: эпатаж, деконструктивизм, «новый нарциссизм», «маргинальный элитаризм» и т. п.), *креативности* (качественный прорыв в реальность из мифологического мира иллюзий, новое выступает как открытие, инсайт), профессиональности, отождествляя последнее с личностными (для поколения-Z) характеристиками, фиксируется невозможность применения прямых (институционализированных) образовательных технологий, необходимость конструирования новых форм и методик обучения (дистанционное, мастер-класс, например), причем формирование личности как позитивистски не контролируемая цель отвергается.

Межпоколенческие отношения в обществе определенно потребуют установления приоритетности в исполнении своей «исторической» роли. Отсутствие конфликта поколений – это либо субъекты отношений находятся в разных социальных, правовых и др. измерениях (реальность – виртуальность) действительности, либо ими преследуются разные цели (интересно какие), либо имеются разные средства и отсутствует возможность обмена опытом пользования этими средствами. Данный здесь психологический портрет *поколения-Z* (высокая адаптивность; размытые, подвижные нравственные ценности; прагматизм) способен объяснить не только расширение идей анархизма/киберанархизма: отсутствие информационных границ, «интернет-вольница», виртуально-игровое созидание «открытого» общества и т. п., но и заведомо предполагается, что «креативное общество» как политэкономический конструкт, производящий потребителя эпохи постиндустриальности, удовлетворит последнего произведенным (всегда избыток средств, всегда отсутствие целей), искажая (виртуализуя) реальность (что вижу, то и реальность). Однако стоит помнить, что технологически-цивилизационное поколение в ближайшем будущем начнет претендовать на значимые социальные роли и привилегии, т. е. захочет самостоятельно распоряжаться социокультурно-историческими благами и распределять их (и это не только «биткойны»).

Но есть и альтернатива, обозначенная не конструированием иллюзорных, желательных проекций сторонних участников, «одаренных» теми или иными качествами, положением, статусом (пассива общества), а перестройкой внутренней работы активных, профессиональных групп (актива общества). Забюрократизированное, институционализированное общество не справляется с гарантированной подготовкой требуемых специалистов, статус и качество дипломов

падает, а рекомендательной процедуры профессиональной оценки так и не предложено (для чего требуется организация профессиональных сообществ, лицензируемая, а не академическая практика аттестации).

Общество пока не станет профессионально гражданским, т. е. пока не будет распределена ответственность и не будет снято социальное иждивенчество в любых формах, не осознается в качестве исторического, политического, социального субъекта. Понадобится содержательное понятие профессиональности (см. [3], где дается дисциплинарное определение профессиональности), критика, самокритика, самоконтроль, в первую очередь в профессиональной деятельности, путь к ответственности, профессиональной компетентности и попперовская оценка критики: «критика означает прогресс», а также должны получить институциональные гарантии вытесненный скептицизм, контрэкспертиза, альтернативная профессиональная практика, внутрипрофессиональные и внутрипроизводственные дискуссии о рисках собственных разработок [1, с. 346–347].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
3. *Ермолович Д.В.* Социогуманитарные технологии профориентации – инструмент стимулирования эффективного личностного самоопределения // *Профессиональная ориентация*, 2020. № 1. С. 3.
4. *Ермолович Д.В.* Трансформация Я в процессе коммуникативного дискурса // *Вестник ВЭГУ*, 2016. № 2 (82). С. 140–150.
5. *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Избранные сочинения*. В 9 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1985. С. 5-540.
7. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2007. 421 с.

Ермолович Дмитрий Валентинович

Доцент, к.филос.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и менеджмента Институт современных знаний имени А.М. Широкова

Республика Беларусь, Минск
E-mail: ermolovichdv@gmail.com

Ermolovich Dmitry V.

Docent, Cand. Philos. Sci., Associate Professor of Department of Social and
Humanitarian Disciplines and Management
Shirokov's Institute of Contemporary Knowledge
Republic of Belarus, Minsk
E-mail: ermolovichdv@gmail.com